

На правах рукописи

АНТОНЕЦ Екатерина Владимировна

ПРОБЛЕМЫ ЛАТИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
РУКОПИСНОЙ КНИГИ В АНТИЧНОСТИ
(II в. до н. э. – III в. н. э.)

Специальность 10.02.14 – классическая филология,
византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва
2009

Работа выполнена на кафедре древних языков исторического факультета
ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В.
Ломоносова»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Дуров Валерий Семенович
ФГОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

доктор филологических наук, профессор
Таривердиева Мария Акоповна
ГОУ ВПО «Московский государственный
лингвистический университет»

доктор филологических наук, профессор
Афиногенов Дмитрий Евгеньевич
Учреждение Российской Академии наук
«Институт всеобщей истории»

Ведущая организация: НОУ ВПО «Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет»

Защита диссертации состоится 15 октября 2009 г. в ____ ч. на заседании
диссертационного совета Д 501.001.82 при Московском государственном
университете имени М.В. Ломоносова по адресу:

119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных
факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан «____» сентября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

О.М. Савельева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Рукописная книга была важнейшим элементом материальной и духовной культуры классической древности. Расширение знаний о бытовании книги помогает составить более глубокое представление о процессе создания, издания и распространения литературных произведений в античности и имеет первостепенное значение для таких областей классической филологии, как история римской литературы и текстология.

Реферируемая работа посвящена проблемам латинской терминологии книжного дела в античности.¹ Под книжной терминологией принято понимать ту область лексического фонда латинского языка, которая связана с рукописной книгой. В область книжной терминологии входит лексика, охватывающая все стороны бытования книги и включающая терминологию издательского дела и книготорговли; лексику библиотечного дела; лексику, связанную с производством папируса и с производством книг; термины оформления текста – пунктуации и интерпункции и т. п.

Предметом настоящего исследования избрана только та сфера лексики, которая включает обозначения книги как факта письменной культуры и названия деталей материального устройства древнеримской книги, а также обозначения других важнейших реалий, служивших в Риме для передачи письменной информации в частной и официальной жизни.

Актуальность диссертации. В последние годы резко возрос интерес к латинским рукописям и документам античности, ставшим доступными для подробного изучения как благодаря новым находкам и внедрению современных способов расшифровки папирусов, так и в связи с публикацией многочисленных каталогов, факсимильных и справочных изданий,

¹ Используемые в диссертации термины «терминология книжного дела», «книжная терминология» и «терминология рукописной книги» воспроизводят немецкий термин *Buchterminologie* и употребляются в силу устоявшейся традиции. Они в значительной степени условны, так как применяются не только по отношению к терминам в строгом смысле этого слова, но и по отношению к словам общелитературного языка.

систематизирующих данные о римской книге. В то же время последние зарубежные работы, посвященные комплексному исследованию лексики книжного дела, относятся к рубежу XIX и XX вв. В дальнейших многочисленных трудах по книжному делу, палеографии, папирологии и кодикологии рассматривались лишь отдельные группы латинских и греческих терминов, входящих в эту лексическую группу. В результате накопилось большое количество разрозненных наблюдений об отдельных словах, понятиях и оборотах, требующих всестороннего осмысления и систематизации. В отечественной науке сфера римской книжной терминологии остается неразработанной областью. Обращение к лексике книжного дела на современном этапе развития классической филологии, римской палеографии и папирологии представляется необходимым потому, что новые археологические данные, с одной стороны, и технические возможности, позволяющие провести полный анализ всех случаев употребления рассматриваемых лексических единиц в языке, с другой стороны, делают возможным уточнить или пересмотреть семантику слов указанной группы, а также соотнести некоторые лексемы с сохранившимися материальными реалиями.

Объектом исследования являются все слова, характеризующие материальную сторону древнеримской книги, засвидетельствованные в произведениях римской литературы классической эпохи со II в. до н. э. до начала III в. н. э. Ядро книжной терминологии составляют лексемы, служащие для обозначения книги (*liber, uolumen, charta*); им в диссертации уделяется первостепенное внимание. В работе также рассматриваются слова, обозначающие различные детали книги-свитка, а также устойчивые обороты и выражения, в которых участвуют данные слова: в отношении этих лексем исследование обращено в первую очередь на те аспекты, которые составляют проблему для интерпретации. Изучение лексики, касающейся собственно книги, проводится на фоне исследования слов и оборотов, касающихся всех

сторон древнеримской книжности в целом. Дополнительный материал для исследования составили сами сохранившиеся письменные памятники античной эпохи.

Цель и задачи исследования. Комплексное и систематическое изучение лексической группы слов, обозначающих книгу и детали ее материального устройства, как единой системы в контексте современных представлений об античной книге и в свете последних достижений папирологии и палеографии составляет цель настоящего исследования. Достижение указанной цели делает необходимым решение ряда конкретных задач:

1. Выявление основных моделей употребления слов *liber* и *uolumen* в латинском языке и определение основных закономерностей употребления и степени синонимичности этих слов; реконструкция исторического развития семантики слова *uolumen* в латинском языке.

2. Установление отличий в значении слова *charta* от существительных *uolumen* и *liber*, а также выявление взаимного соотношения этих трех слов в системе книжной терминологии.

3. Определение критериев для интерпретации значений терминов *liber*, *uolumen* и *charta* в спорных местах произведений римских авторов, сопряженных с проблемами книжного дела и создававших трудности как для перевода, так и для составления представления о стоящих за этими словами реалиях римской жизни.

4. Анализ и интерпретация лексики, касающейся обозначения отдельных деталей внешнего и внутреннего оформления свитка – доминирующей формы книги в период, рамками которого ограничено настоящее диссертационное исследование.

5. Интерпретация некоторых важных терминов, связанных с бытованием и оформлением писем и документации в Древнем Риме, в свете данных современной палеографии.

Методологическая основа исследования. Работа выполнена в русле исследований рукописных и эпиграфических памятников античности и терминологических исследований, проводимых на кафедре древних языков исторического факультета Московского университета. В методологическом отношении диссертация опирается на традиционные для классической филологии методы филологического анализа текста. В диссертации применяются принципы семасиологического анализа (разработанные в трудах М. М. Покровского, Ю. Д. Апресяна, Д. Н. Шмелева и др.) и ономасиологический подход к исследованию языка (предложенный А. Цаунером), который рассматривает содержательную сторону языковых единиц с точки зрения их соотношенности с внеязыковыми фактами (то есть связан с определением того, какие в языке существуют слова для обозначения той или иной реалии). В работе используются основные приемы синхронного описания – аналитическое наблюдение, лингвистическая интерпретация фактов, сопоставление полученных данных и обобщение.

Научная новизна. В диссертации впервые проводится полная классификация всех случаев употребления в латинском языке ключевых слов книжной терминологии (*liber, uolumen, charta*), на основании которой определяются стандартные модели их употребления и разрабатываются критерии для интерпретации этих слов в спорных контекстах. Кроме того, в работе предлагается новая семантическая интерпретация некоторых лексем и дается новое понимание ряда конкретных мест из произведений римских авторов.

Практическая ценность работы заключается в том, что собранный в ней материал существенно уточняет и во многом исправляет сложившиеся представления о семантике и словоупотреблении латинских слов, касающихся книжного дела. Результаты исследования могут быть использованы в курсах греко-римских древностей, истории римской

литературы, текстологии, римской палеографии и латинского языка в рамках учебного процесса в высших учебных заведениях. Выводы исследования могут быть использованы для уточнения соответствующих статей в словарях латинского языка.

Теоретическое значение работы состоит в том, что в ней представлен новый синтез комплексного филологического анализа лексики книжного дела и изучения фактического материала, известного из археологических находок, который позволяет внести коррективы в существующие представления о значении лексических единиц рассматриваемой группы.

Апробация работы. Материалы и предварительные результаты исследования были представлены к обсуждению на международных конференциях «История в рукописях – рукописи в истории. К 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки» (Санкт-Петербург, РНБ, 2005 г.), «Античная грамматическая традиция в веках» (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 2005 г.), I Российско-Германский филологический симпозиум «Поздняя античность: традиции и инновации» (Москва, МГУ, 2005 г.), «Colloque international Priscien» (Лион, Ecole normale supérieure, Lettres et sciences humaines, 2006 г.), «Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона» (Москва, ИВИ РАН, 2008 г.); на конференциях «Чтения памяти профессора И. М. Тронского» (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 1998, 1999, 2001, 2002, 2003, 2005, 2007, 2008, 2009 гг.), «Ломоносовские чтения» (Москва, МГУ, 2009 г.), «Древние языки в системе университетского образования» (Москва, МГУ, 2000 г.), на конференции, посвященной 125-летию со дня рождения О. А. Добиаш-Рождественской (Санкт-Петербург, СПбФ ИРИ РАН, 1999 г.); а также на заседаниях кафедры древних языков исторического факультета МГУ.

По материалам диссертации были прочитаны научные доклады на заседании кафедры классической филологии МГУ имени М. В. Ломоносова

(2 марта 2009 г.) и на заседании Центра антиковедения и кафедры классической филологии РГГУ в рамках научного семинара «Современные проблемы антиковедения» (27 апреля 2009 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. К работе прилагается список использованной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** излагается история изучения латинской и греческой книжной терминологии. В отечественной классической филологии исследований по этой теме практически нет; некоторые общие ее аспекты затрагиваются в публикациях В. Г. Боруховича (1961, 1963 и 1976 г.) и И. Ф. Фихмана (1987 г.).

Специальных исследований, отдельно посвященных проблемам книжной латинской терминологии, немного. Единственным фундаментальным трудом, методически изучающим лексику книжного дела античности в полном объеме, до сих пор остается появившаяся в 1882 г. книга Теодора Бирта «Античное книжное дело в его связи с литературой».² Откликом на нее стал ряд статей об отдельных терминах книжного дела.³ В дальнейшем книжная терминология рассматривалась в рамках исследований отдельных сфер книжной лексики в общих работах, посвященных книжному делу античности вообще или отдельным его проблемам.

В зарубежной науке книжное дело античности представляет собой область, достаточно хорошо изученную и детально описанную во множестве работ.

² Birt, Theodor. Das antike Buchwesen in seinem Verhältniss zur Literatur. Berlin, 1882.

³ Rohde, Erwin. Das antike Buchwesen // Göttingische gelehrte Anzeigen. 1882. S. 1537-1563 (= Kleine Schriften. Bd. 2. 1901. S. 428-448); Landwehr, Hugo. Studien über das antike Buchwesen // Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik. 1889. Jg. 6. S. 219-253; Studien über die antike Buchterminologie. S. 419-433.

Из общих трудов, посвященных античной книге, основополагающими являются работы Фридриха Ричля,⁴ Теодора Бирта,⁵ Карла Дзяцко⁶ и Вильгельма Шубарта.⁷ Новейшей работой о книжном деле в классической древности является монография Хорста Бланка,⁸ которая обобщает результаты последних разысканий, открытий и находок и представляет современный взгляд на многие вопросы, касающиеся античной книги. Краткий обзор книжного дела в Древней Греции и Риме можно найти в «Кембриджской истории античной литературы»⁹ и в «Истории рукописной передачи античной и средневековой литературы».¹⁰ Большое значение имеет монография Найджела Вильсона и Лейтона Рейнольдса «Писцы и учёные».¹¹

На русском языке единственным исследованием, специально посвящённым античной книге, остаётся монография Владимира Григорьевича Боруховича «В мире античных свитков».¹²

Наряду с публикацией трудов, рассматривающих все аспекты бытования античной книги в целом, в течение прошлого века интенсивное

⁴ Ritschl, Friedrich Wilhelm. Die Alexandrinischen Bibliotheken unter den ersten Ptolemäern und die Sammlung der Homerischen Gedichte durch Pisistratos nach Anleitung eines Plautinischen Scholions. Breslau, 1838. Одна из последних работ по этой теме: The Library of Alexandria: centre of learning in the ancient world. Edited by Roy MacLeod. London, New York, 2004.

⁵ Birt Th. Die Buchrolle in der Kunst. Archäologisch-antiquarische Untersuchungen zum antiken Buchwesen. Leipzig, 1907; Birt Th. Kritik und Hermeneutik nebst Abriss des antiken Buchwesens // Iwan v. Müller. Handbuch der Altertumswissenschaft. Band I. Abt. 3. München, 1913.

⁶ Dziatzko, Karl. Untersuchungen über ausgewählte Kapitel des antiken Buchwesens. Leipzig, 1900.

⁷ Schubart, Wilhelm. Das Buch bei den Griechen und Römern. 2. Aufl. Berlin, Leipzig, 1921.

⁸ Blanck, Horst. Das Buch in der Antike. München, 1992.

⁹ Easterling P. E., Knox B. M. W. Books and Readers in the Greek World // Cambridge History of Classical Literature. 1, Greek Literature. Cambridge, 1985. P. 1-41; Kenney E. J. Books and Readers in the Roman World // Cambridge History of Classical Literature. 2. Latin Literature. Cambridge, 1982. P. 3-32.

¹⁰ Hunger, Herbert. Antikes und mittelalterliches Buch- und Schriftwesen // Geschichte der Textüberlieferung der antiken und mittelalterlichen Literatur. Zürich, [1961]. Bd. 1.

¹¹ Reynolds, Leighton D.; Wilson, Nigel G. Scribes and scholars: a guide to the transmission of Greek and Latin literature. 3rd ed. Oxford, 1991.

¹² Борухович В. Г. В мире античных свитков. Саратов, 1976. Материальной стороне римской книги уделяется раздел в монографии: Антоненц Е. В. Введение в римскую палеографию. М., 2009.

развитие получило исследование отдельных областей книжного дела. Самым подробным собранием античных свидетельств о книготорговле до сих пор остается труд Луи Хэнни,¹³ наиболее авторитетным исследованием, посвященным издательскому делу и книжной торговле античности, является книга Тённеса Клеберга,¹⁴ дополняемая появившимися в последние годы новыми публикациями.¹⁵ Производство и бытование раннехристианских книг рассматривается в работах Теодора Скита и Гарри Гэмбла.¹⁶ Изучение античных библиотек, начатое еще в XIX в. трудами Виктора Гардтхаузена, было продолжено, в частности, в работах Гульельмо Кавалло. Последней обширной работой по истории древнеримских библиотек является книга Рудольфа Ферле.¹⁷ Отдельные исследования посвящены книге и библиотекам эпохи поздней античности. Античной традиции иллюстрирования рукописных книг посвящены работы Карла Вейтцманна.¹⁸ Ныне античные иллюминированные рукописи стали объектом тщательного изучения в связи с публикацией современных факсимильных изданий.¹⁹ Отдельную область исследований составляет вопрос реконструкции процесса создания, написания и распространения литературного произведения.²⁰

¹³ Haenny, Louis. *Schriftsteller und Buchhändler im alten Rom*. Leipzig, 1885.

¹⁴ Kleberg, Tönnes. *Buchhandel und Verlagswesen in der Antike*. Darmstadt, 1969.

¹⁵ Fedeli, Paolo. *Autore, committente, pubblico in Roma // Oralità, scrittura, spettacolo*. Torino, 1983; Schipke, Renate. *Untersuchungen zur Herstellung und Verbreitung des Buches im lateinischen Westen zwischen dem 4. und 6. Jahrhundert*. Diss. Berlin (Ost), 1976.

¹⁶ Skeat, Theodore Cressy. *Early Christian Book-Production: Papyri and Manuscripts // The Cambridge History of the Bible. Vol. 2*. Cambridge, 1969. Gamble, Harry Y. *Books and Readers in the early Church: a History of early Christian Texts*. New Haven, London, 1995.

¹⁷ Fehrle, Rudolf. *Das Bibliothekswesen im alten Rom: Voraussetzungen, Bedingungen, Anfänge*. Wiesbaden, 1986.

¹⁸ Weitzmann, Karl. *Illustrations in Roll and Codex. A Study of the Origin and Method of Text Illustration*. Princeton, 1947; Weitzmann K. *Ancient Book Illumination*. Cambridge Mass., 1959; Weitzmann K. *Book illustration of the fourth century: Tradition and innovation // Weitzmann K. Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination*. Chicago, 1971.

¹⁹ Wright, David H. *The Organization of the Lost Late Antique Illustrated Terence // Medieval Manuscripts of the Latin Classics: Production and Use*. Ed. C. A. Chavannes-Mazel, M. M. Smith. Anderson-Lovelace, 1996. P. 41-56; Grant J. N. *Studies in the Textual Tradition of Terence*. Toronto, 1986; Sloane, Kelly. *Epic Illustrations: Vergil's Aeneid in the Vergilius Vaticanus*. Undergraduate Humanities Forum Research Fellows. Undergraduate Humanities Forum 2005-6: Word & Image. University of Pennsylvania Year 2006.

²⁰ Sommer, Richard. T. *Pomponius Atticus und die Verbreitung von Ciceros Werken // Hermes*. 1926. 61. No. 4. S. 389-422; Dorandi, Tiziano. *Den Autoren über die Schulter geschaut*.

Изучение книжного дела и терминологии рукописной книги древности находится в тесной связи с развитием дисциплин, занимающихся исследованием самих древних рукописей, – в первую очередь, с папирологией и палеографией. Во Введении дается обзор важнейших современных трудов по папирологии, римской и латинской палеографии, рассматриваются издания и каталоги всех известных древнейших латинских рукописей и публикации текстов античных рукописей.²¹

Неотъемлемым инструментом при изучении бытования рукописной книги в ее связи с композицией литературных произведений и с отражением в средневековой передаче являются общие руководства, посвященные рукописям римских авторов и текстологии, важнейшим из которых является вышедшая в 1983 г. в Оксфорде под редакцией Лейтона Рейнольдса книга «Тексты и рукописная традиция. Обзор римской классики». Знание средневековой передачи важно потому, что многие средневековые рукописи сохранили данные об оформлении позднеантичных рукописей, а также данные об их редактировании в эпоху поздней античности.

Среди главных проблем, сопряженных с исследованием античной книжности, первое место занимает проблема возникновения и распространения кодекса как новой формы книги, вытеснившей к концу античности свиток, который на протяжении тысячелетий оставался единственной формой книги. Наиболее авторитетными работами по этому вопросу являются монография Эрика Тёрнера «Типология раннего

Arbeitsweise und Autographie bei den antiken Schriftstellern // ZPE. 1991. 87. S. 11-33; Starr, Raymond J. The Circulation of Literary Texts in the Roman World // The Classical Quarterly. New Series. 1987. Vol. 37. № 1. P. 213-223.

²¹ Из новейших папирологических исследований следует упомянуть The Oxford Handbook of Papyrology. Ed. by Roger S. Bagnall. Oxford, 2009; Ägypten lesbar machen – die klassische Konservierung, Restaurierung von Papyri und neuere Verfahren. Beiträge des 1. Internationalen Workshops der Papyrusrestauratoren. Leipzig, 7. – 9. September 2006. Hgb. von Jörg Graf und Myriam Krutzsch // Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. Beiheft 24. Berlin, New York, 2008.

кодекса»,²² посвященная материальной стороне ранних кодексов и подробно описывающая все физические аспекты кодекса, не затрагивая проблем происхождения кодекса, и книга Колина Робертса «Рождение кодекса».²³ В исследовании Робертса были решены многие спорные вопросы, связанные с эволюцией кодекса. Одним из главных выводов Робертса был тот, что процесс перехода от свитка к кодексу протекал независимо от процесса смены писчего материала и перехода от папируса к пергамену. Вопрос о причинах появления книг-кодексов в целом остается открытым, а множество высказанных в науке предположений остаются гипотезами, новейшая из которых была предложена Т. Скитом.²⁴

Отдельную проблему в изучении античного книжного дела составляет вопрос о технологии производства главного писчего материала древности – папируса. Как известно, единственное свидетельство о процессе изготовления папируса в древности находится у Плиния Старшего в его «Естественной истории» (Plin. n. h. XIII, 74-82). Этот текст имеет крайне конспективный и сжатый характер и чрезвычайно труден для понимания. Он вызывал сомнения и недоумения начиная с эпохи Возрождения и продолжает занимать исследователей по сей день. Самым фундаментальным исследованием, посвященным папирусу, процессу его изготовления и папирусной промышленности античности, остается книга Нафтали Льюиса «Папирус в классической древности».²⁵ После появления книги Льюиса вышел ряд новых статей и появился ряд новых гипотез; состояние вопроса на

²² Turner, Eric G. *The Typology of the early codex*. Philadelphia, 1977; см. также новые работы: *Les débuts du codex* / Ed. A. Blanchard. Turnhout, 1989; Gamble H. Y. *Books and readers in the early church*. P. 49.

²³ Roberts, Colin H.; Skeat, Theodore C. *The Birth of the Codex*. London, 1983.

²⁴ Skeat T. C. *The length of the standard papyrus roll and the costadvantage of the codex* // ZPE. 1982, 45. S. 169-175; Skeat T. C. *The Origin of the Christian Codex* // ZPE. 1994. 102. P. 163-268; Skeat T. C. *Roll versus Codex – A New Approach* // ZPE. 1990. 84. P. 297-298.

²⁵ Lewis, Naphtali. *Papyrus in Classical Antiquity*. Oxford, 1974; Lewis N. *Papyrus in Classical Antiquity: A Supplement* // *Papyrologica Bruxellensia*. 1989. 23.

1987 г. подробно изложено крупнейшим отечественным папирологом Иццоком Фишелевичем Фихманом.²⁶

Несмотря на большое число публикаций, посвященных проблемам изучения античной письменной культуры, многие отдельные вопросы, касающиеся непосредственно лексики книжного дела, до сих пор остаются нерешенными, и некоторые места из сочинений римских писателей, в которых затрагиваются книжные реалии, так и не получили твердой интерпретации.

Объективную трудность исследования и правильного понимания римской терминологии рукописной книги составляет тот факт, что сведений о материальном облике как самих книг, так и различных средств, относящихся к письменности (записных книжек, блокнотов и т. п.), в литературе встречается крайне мало. Это объясняется, во-первых, тем, что, как и в отношении многих других привычных реалий жизни, подробно описывать хорошо всем известные предметы не представлялось необходимым. Во-вторых, общепринятой манерой обозначения книги было упоминание только ее названия, без каких-либо указаний на ее внешнее устройство.²⁷ Поэтому черпать сведения о действительном оформлении книг, которые издавал, например, сам Цицерон, мы можем только на основании косвенных данных и из детального анализа отдельных контекстов.

²⁶ Фихман И. Ф. Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 5-12. Некоторые дополнения см.: Антонец Е. В.; Солопов А. И. *Principatus medio* (Plin. n. h. XIII 74). К проблеме интерпретации описания производства папируса у Плиния Старшего // Вестник древней истории. 2007. № 1. С. 9-19.

²⁷ Примером тому могут служить следующие строки из письма Цицерона к Аттику, которое он писал в декабре 60 г. до н. э. из своей Тускуланской усадьбы: *Πελλαίων in manibus tenebam et hercule magnum aceruum Dicaearchi mihi ante pedes exstruxeram. o magnum hominem! et unde multo plura didiceris quam de Procilio. Κορινθίων et Ἀθηναίων puto me Romae habere* (Cic. Att. II 2, 2). Цицерон имеет в виду «Государственное устройство Пеллены» – ныне утраченное сочинение Дикеарха, философа-перипатетика и ученика Аристотеля. Это сочинение, должно быть, занимало много свитков, коль скоро они нагромоздились в *magnum aceruum*. Ср. аналогичное упоминание собственного сочинения *de senectute: quod uero scribis te magis et magis delectare* “O Tite, si quid ego”, *auges mihi scribendi alacritatem* (Cic. Att. XVI 3, 1).

Введение завершается констатацией того, что назрела необходимость нового систематического исследования латинской книжной терминологии, которое бы продолжило направление, заложенное и разработанное немецкими учеными XIX – начала XX века и впоследствии не получавшее должного внимания в филологических работах. Такое исследование может опираться на данные новых находок, а также использовать современные технические возможности, позволяющие охватить все случаи фиксации в языке книжных терминов и делать на основании этого статистические выводы.

ПЕРВАЯ ГЛАВА диссертации «**О соотношении значений слов *liber* и *uolumen* в латинском языке классического периода**» посвящена анализу всех случаев словоупотребления *liber* и *uolumen* со II в. до н. э. по III в. н. э. с целью составления полного представления о значении и употреблении этих слов в данную эпоху. Практическая задача этого анализа заключается в том, чтобы сформулировать критерии, позволяющие правильно понять и перевести многозначное и во многих местах трудное для интерпретации слово *uolumen*.

Действительно, есть случаи, когда совершенно очевидно, что слово *liber* обозначает книгу как раздел произведения, а *uolumen* – свиток как вместилище текста, например, в пассаже Ульпиана: *si cui centum libri sint legati, centum uolumina ei dabimus* (Ulp. dig. XXXII 52, 1) «если кому-то завещано сто книг, то ему мы дадим сто свитков». Однако менее прозрачна фраза Светония: *composuit et de uita sua octo uolumina* (Suet. Cl. 41). Следует ли из этого, что Светоний не указывает число книг этого произведения, но сообщает нам, сколько оно занимало свитков? Правильность понимания в данном случае таких ключевых слов, как *liber* и *uolumen*, принципиально важна для составления точного представления о бытовании книг в Риме, об их внешнем виде и о принципах написания, оформления и редактирования литературных произведений.

Глава начинается с обоснования необходимости при анализе словоупотреблений учитывать различие между двумя аспектами книги как внеязыковой реалии. Первый аспект подразумевает книгу как материальный предмет, как конкретную вещь определенной формы (применительно к античной книге в классическую эпоху речь идет о форме свитка). Вторым аспектом подразумевается абстрактное, невещественное, значение «сочинение, произведение» или «глава-раздел». Это отвлеченное значение имеет отношение прежде всего к некоему тексту, а также к его частям, выделяемым автором на основании выбранной им последовательности повествования, и не связано с каким бы то ни было физическим объектом, служащим мерой или вместительностью данного текста.

Далее излагаются существующие теории интерпретации слов *liber* и *uolumen*, из которых важнейшее значение имеет теория Т. Бирта. Главный тезис Бирта заключается в том, что античная литература была обусловлена и ограничена рамками античной книги-свитка. Бирт полагал, что деление произведения на книги (части), которое впервые было предпринято в александрийскую эпоху, предполагало, что объем книги как смысловой единицы членения текста должен соответствовать объему среднего античного свитка (5–6 м). Ограниченность произведения или его части пределами одного стандартного свитка, по мнению Бирта, стала правилом, строго соблюдавшимся в последующие эпохи. Этот тезис отразился на понимании слов *liber* и *uolumen*, которые Бирт считал полностью идентичными по значению, отмечая, впрочем, большую наглядность слова *uolumen*. По мнению Бирта, книга как единица композиционного устройства произведения занимала строго один свиток. Так, фразу Авла Геллия *offendi in bibliotheca Patrensi librum ... Liui Andronici qui inscriptus est 'Οδύσσεια* Бирт предлагает понимать в том смысле, что Геллий имеет в виду экземпляр Ливия Андроника, в котором не было разделений на отдельные книги и который занимал один свиток.²⁸

²⁸ Birt, Th. Das antike Buchwesen. S. 445.

Выводы Бирта, впрочем, не вполне согласуются с мнением других современных ему ученых и его предшественников. Так, уже Отто Ян в своем комментарии к сатирам Персия заметил, что *omnino liber dicitur de toto quodam opere etiamsi plus uno libro complectatur, ut de Homeri carminibus Homeri liber*.²⁹ Также и Фридрих Ричль признавал наличие у слова *liber* двойного значения, одно из которых подразумевает материальный предмет, а другое – отвлеченное понятие «сочинение».³⁰ Эрвин Роде в своей рецензии (1882 г.) на труд Бирта выразил сомнение в безусловности его теории, указав, что в действительности тождественность книги (части произведения) и свитка (его вместилища), которая, безусловно, имела место во многих случаях, не была строго обязательной.

Возражения Роде расширил и подкрепил многочисленными примерами Гуго Ландвер (1889 г.). Он подробно изучает значительное число контекстов употребления слова *liber*, рассмотренных Биртом в его труде, и убедительно доказывает наличие у слова *liber* наряду со значением «материальный предмет, книга» также и общего значения «сочинение, произведение». Сравнив употребление слов *liber* и *uolumen*, Ландвер пришел к выводу, что *liber* главным образом обозначает книгу как единицу содержания, а *uolumen* — как единицу объема.

Выработанное в лексикологических работах, посвященных терминологии книжного дела, представление о значении слова *liber* в целом соответствует словарным статьям в словарях латинского языка, которые выделяют у этого слова два значения: «книга как все сочинение» и «глава, раздел». Что касается интерпретации слова *uolumen* и объяснения его отношения к слову *liber*, то эта проблема до сих пор остается открытой. Несмотря на фундаментальный характер работы Ландвера и приводимые им весомые аргументы и многочисленные примеры, она не лишена недостатков. Некоторые положения Ландвера вызывают возражения.

²⁹ Auli Persii Flacci Satyrarum Liber cum scholiis antiquis. Edidit Otto Jahn. Lipsiae, 1843. S. 98.

³⁰ Ritschl Fr. Opusc. III, S. 454, Anm.

Так, нельзя согласиться с утверждением, что слово *uolumen* с самого своего возникновения связано исключительно с понятием объема и с понятием пространственной емкости свитка. Проведенный в диссертации анализ словоупотребления Варрона – одного из первых авторов, которые употребляют слово *uolumen* применительно к книжному делу, – показал, что уже у Варрона слово *uolumen* характеризует содержательную единицу и обозначает часть текста, связанного общей темой, а не свиток как материальную вещь.³¹

Концентрируя внимание на различии слов *liber* и *uolumen*, лексикологи оставляли в стороне тему их семантической близости; кроме того, слова *liber* и *uolumen* рассматривались вне связи с существительным *charta*, имеющем важное значение в системе обозначений книги. Недостаточная разработанность вопроса о соотношении слов *liber* и *uolumen* усугубляется тем обстоятельством, что результаты лексикологических исследований, посвященных этой теме, прямо противоречат словарям латинского языка. Во-первых, большинство словарей не выделяют значение «свиток», указывающее на форму книги как материального предмета, в отдельное значение. В этом проявляется несоответствие словарей специальным исследованиям книжной терминологии, в которых, напротив, главным значением слова *uolumen* считается значение «свиток (как материальный предмет)».

Во-вторых, большинство словарей не приводит те контексты, толкование которых уже на протяжении почти двух веков составляет предмет споров. Словари же, приводящие такие спорные контексты, зачастую сильно расходятся в их интерпретации с исследованиями, посвященными книжной терминологии. Так, словари Георгеса, Льюиса и Шорта, а также словарь Гаффио-Флобера в качестве примера значения

³¹ Ср. один из контекстов: *quemadmodum uocabula essent imposita rebus in lingua Latina, sex libris exponere institui. de his tris ante hunc feci quos Septumio misi: in quibus est de disciplina, quam uocant ἐτυμολογικήν: quae contra ea<m> dicerentur, uolumine primo, quae pro ea, secundo, quae de ea, tertio* (Varro l. L. V 1). См. также Varro l. L. VII 109.

uolumen «раздел, том, книга» предлагают следующее место из писем Плиния Младшего: '*Studiosi tres*', *in sex uolumina propter amplitudinem diuisi, quibus oratorem ab incunabulis instituit et perficit* (Plin. ep. III 5, 5)³² и, следовательно, предлагают понимать выражение *in sex uolumina diuisi* как «разделенные на шесть томов». В то же время в литературе по книжной терминологии относительно этого места сложилось достаточно единодушное мнение: Плиний Старший разделил свое сочинение в трех книгах на шесть свитков *propter amplitudinem* «из-за большого объема».³³

В настоящей диссертации проводится анализ не отдельных случаев употребления слов *liber* и *uolumen*, а всех словоупотреблений в совокупности. Прежде всего отмечается, что *uolumen* – более позднее слово по сравнению с *liber*. Слово *uolumen* впервые встречается у Варрона (116-27 гг. до н. э.), Лукреция (ок. 96-53 гг. до н. э.) и Цицерона (106-43 гг. до н. э.), в то время как *liber (libellus)* засвидетельствовано уже у Плавта.

Из писателей эпохи золотой латыни слово *uolumen* употребляют только Варрон, Цицерон и Корнелий Непот. Варрон использует слово *uolumen* всего пять раз, в то время как *liber* встречается у него более 100 раз. У Цицерона мы находим 32 случая употребления *uolumen* и более 500 случаев употребления *liber*. Цезарь и Катулл вообще не используют слово *uolumen*, а Корнелий Непот употребляет его пять раз (и около 15 раз слово *liber*). Таким образом, для этого периода латинского языка слово *uolumen* – редкое.

Значительное преобладание употребления слова *liber* над словом *uolumen* наблюдается у писателей эпохи Августа и более позднего времени, известных своей приверженностью нормам золотой латыни: у Тита Ливия (ок. 59 г. до н. э. – ок. 17 г. н. э.) *uolumen* встречается 2 раза, в то время как *liber* – более 100 раз; Квинтилиан (ок. 30-100 гг. н. э.) употребляет *uolumen* 4 раза, *liber* – более 100 раз; Авл Геллий (ок. 130-180 гг. н. э.) употребляет

³² В этом письме Плиний Младший перечисляет труды своего дяди, среди прочих называя его сочинение *Studiosi* в трех книгах, разделенное на шесть *uolumina*.

³³ См. Rohde, S. 1541; Landwehr, S. 237.

uolumen 5 раз, *liber* – более 500 раз; у Сервия (IV-V в. н. э.) *uolumen* встречается 1 раз, *liber* – более 150 раз.

Многие другие прозаики I-III вв. н. э. из числа тех, у которых вообще встречается слово *uolumen*, также используют его крайне редко. Так, лишь единичные случаи употребления *uolumen* засвидетельствованы у Тацита (*uolumen* – 2 раза; *liber* – более 25 раз), Фронтинна (*uolumen* – 1 раз; *liber* – более 10 раз), Апулея (*uolumen* – 4 раза; *liber* – более 30 раз), Фронтонна (*uolumen* – 1 раз; *liber* – более 27 раз), Порфириона (*uolumen* – 3 раза; *liber* – более 40 раз).

В поэзии слово *uolumen* применительно к книге встречается исключительно редко: у Горация *uolumen* засвидетельствовано 2 раза; у Тибулла *uolumen* – 1 раз, *liber* (*libellus*) – 2 раза; Овидий употребляет *uolumen* 4 раза, *liber* (*libellus*) – более 55 раз; у Марциала (ок. 40 – 104 гг. н. э.) *uolumen* встречается 2 раза, *liber* (*libellus*) – более 100 раз; у Ювенала *uolumen* – 1 раз; *liber* – более 18 раз.

В то же время некоторые авторы охотно вводят в свой лексикон слово *uolumen*. Из писателей эпохи Августа его активно использует только Витрувий: оно встречается у него приблизительно столько же раз, сколько *liber* (*uolumen* – 38 раз; *liber* – около 35 раз).

Из авторов I в. н. э. Валерий Максим (*uolumen* – 9 раз; *liber* – более 20 раз), Колумелла (*uolumen* – 21 раз; *liber* – более 40 раз) и Стаций (ок. 40 – 96 гг. н. э.) (*uolumen* – 2 раза; *liber* – более 5 раз) употребляют *uolumen* в среднем в два раза реже, чем *liber*. Сенека (*uolumen* – 6 раз; *liber* – более 30 раз) и Плиний Младший (ок. 61 – ок. 112 гг. н. э.) (*uolumen* – 11 раз; *liber* – более 60 раз) используют *uolumen* в 6 раз реже, чем *liber*. Во II в. слово *uolumen* более или менее часто встречается только у Светония, остальные авторы этой эпохи предпочитают *liber*.

Только у четырех авторов – Цельза (I в. н. э.), Плиния Старшего (23/24 – 79 гг. н. э.), Веллея Патеркула (ок. 19 г. до н. э. – после 30 г. н. э.) и Юстина (III в. н. э.) – употребление *uolumen* сильно преобладает над употреблением

liber. Так, у Веллея Патеркула *uolumen* встречается 8 раз, а *liber* не встречается вовсе; у его современника Цельза *uolumen* встречается 10 раз, а *liber* – только 2 раза. Юстин употребляет *uolumen* 44 раза и совсем не употребляет *liber*; у Плиния Старшего *uolumen* встречается 108 раз, а *liber* – около 25 раз.

Таким образом, главным словом для обозначения книги у подавляющего большинства авторов классической эпохи остается слово *liber*, а слово *uolumen*, появившееся в начале I в. до н. э., употребляется в основном узким кругом писателей. При этом сфера активного использования слова *uolumen* ограничена некоторыми стандартными моделями употребления.

Подавляющее большинство случаев употребления слов *liber* и *uolumen* укладывается в рамки устойчивых конструкций (моделей), то есть фраз и выражений, имеющих одинаковое синтаксическое устройство и регулярно используемых разными авторами. В диссертации проводится следующая классификация:

1. Первую группу составляют контексты употребления слов *liber* и *uolumen* в значении «книга как раздел сочинения, глава» применительно к своему собственному сочинению. Под разделом сочинения понимается единица композиционного устройства произведения; единица текста определенного объема, связанная единой темой и составляющая отдельный содержательный блок в общем смысловом построении всего труда. В этом значении Цицерон в подавляющем большинстве случаев употребляет слово *liber*: *instituenti mihi, Quinte frater, eum sermonem referre et mandare huic tertio libro ...* (Cic. de or. III 1).

В значении «книга, глава» слова *liber* и *uolumen* участвуют в трех моделях. Первая модель представляет собой сочетание «*liber* + порядковое числительное»: *a me autem posita est in sexto libro de re p.: 'quod semper mouetur'...* (Cic. Tusc. I 53) и *de ipsis autem aedibus ... in tertio et quarto uolumine reddam rationes* (Vitr. I 7, 2). Вторая модель – сочетание «*liber* + указательное местоимение *hic*» для обозначения данного раздела своего

произведения: *qui hoc et superiore libro continetur* (Cic. de or. III 2) и *in hoc autem uolumine eas explicabo, quae uel desiderari in prioribus potuerunt* (Cels. V 17, 1b). Третья модель представляет собой сочетание «*liber* + прилагательное со значением “предыдущий, последующий”»: *qui hoc et superiore libro continetur* (Cic. de or. III 2) и *de quibus sequente uolumine pluribus disseremus* (Colum. r. r. III 21, 11).

У некоторых авторов I-II вв. н. э. (Витрувий, Колумелла, Цельз, Плиний Старший и Юстин) слово *uolumen* заменило цicerоновское *liber* в значении «книга-глава» в тех случаях, когда они говорят о своем данном произведении. Эти авторы практически не используют слово *liber* в этом значении.

2. Вторую группу составляют контексты употребления слов *liber* и *uolumen* в значении «сочинение в одной или нескольких книгах» в стандартных моделях названия произведения. Выделены четыре модели, первая из которых представляет собой сочетание «*liber (uolumen) (scriptus) + de + abl.*»: *de gloria librum ad te misi* (Cic. Att. XVI 6, 4) и *postea Silenus de symmetriis Doricorum edidit uolumen* (Vitr. VII pr. 12). Вторая модель представляет собой сочетание «*liber (uolumen) + gen.*»: *uolumen eius rerum gestarum maximum isti ostendit* (Cic. Verr. I 97). Третья представляет собой сочетание слова *liber (uolumen)* и придаточного предложения определительного, обычно с глаголом *inscribere* («*liber / libri, qui inscribitur/untur*»): *atque etiam Antisthenes in eo libro qui physicus inscribitur* (Cic. n. d. I 32) и *mihi uidentur mira et quae Ouidius prodidit piscium ingenia in eo uolumine, quod halieuticon inscribitur* (Plin. n. h. XXXII 11). Наконец, четвертая конструкция, которая применяется только тогда, когда говорится о данном, настоящем своем сочинении, представляет собой сочетание слова *liber (uolumen)* в единственном или во множественном числе и указательного местоимения *hic* в аблативе: *de diuinatione ingressi sumus his libris scribere* (Cic. diu. II 3) и *namque his uoluminibus aperui omnes disciplinae rationes* (Vitr. I pr. 3).

Важное значение при указании названия книги или описании ее содержания имеет число слов *liber* и *uolumen*. Анализ словоупотреблений Цицерона, прежде всего анализ тех контекстов, где он упоминает свои собственные произведения, о структуре (и о числе частей) которых мы хорошо знаем, показывает, что выбор числа слова *liber* строго зависит от структурного устройства книги. Так, о произведениях из нескольких глав (*de diuinatione, de officiis, de natura deorum*) Цицерон говорит *his libris* или *in iis libris, qui sunt de natura deorum*, используя множественное число, а о коротких, состоящих из одной книги (*de senectute, de amicitia*), – *hoc libro*, употребляя единственное число. Аналогичное использование числа слова *liber* наблюдается также и тогда, когда речь идет о сочинении другого автора: *tui politici libri omnibus uigent* (Cic. fam. VIII 1, 4). У авторов, предпочитающих слово *uolumen*, сохраняется такое же различие между единственным и множественным числом: *Antigonus, qui uolumina condidit de sua arte* (Plin. n. h. XXXIV 84) и *quamuis aliquando de motu terrarum uolumen iuuenis ediderim* (Sen. n. q. VI 4, 2).

В литературе, таким образом, отражено наличие общепринятой манеры обязательного указания числа книг (разделов) в произведении в заголовке. Число книг (то есть сочетания *libri sex, libri tres*) было таким же полноправным и неотъемлемым элементом названия, как указание автора (*Ciceronis liber*) и указание темы (*liber de gloria*). Такое трехчастное название книги составляет формулу, в которой, как мы видели, могло выступать только слово *liber* – *Ciceronis de oratore libri tres*. С этой формулировкой можно сопоставить русское слово «трилогия», имеющее приблизительно такое же употребление. В названиях книг, выступающих в качестве заголовков, слово *uolumen* никогда не употреблялось в силу давней и неизменной традиции. Но внутри текста, в описании или упоминании книг, напротив, *uolumen* фигурирует очень часто у некоторых авторов, причем отдельные случаи такого употребления встречаются уже у Цицерона.

Обязательное указание числа книг на титуле (или ярлыке) вызвало появление устойчивого различия – в рамках стандартных названий сочинений – между *libri* «многотомная книга» и *liber* «однотомная книга».

3. Следует отметить, впрочем, что слово *liber* и заменяющее его слово *uolumen* имело и более широкое значение «книга, труд (безотносительно к числу разделов)». В таком случае единственное число *liber* (*uolumen*) применялось для обозначения всего произведения целиком, а множественное число *libri* (*uolumina*) – для обозначения множества сочинений в выражениях типа «многие книги греческих писателей». Такое употребление слов *liber* и *uolumen* в общем значении «книга» регулярно и устойчиво встречается в двух моделях «много книг» и «какая-то книга». Первая модель: *sunt enim innumerabiles de his rebus libri neque abditae neque obscurae ...* (Cic. de or. II 84) и *cum haec per multa uolumina perque magnas contentiones [disputationes] a medicis saepe tractata sint atque tractentur* (Cels. I 45, 1). Вторая модель: *cum in omni fere medicorum uolumine atque sermone iactentur* (Cels. VI 18, 1).

Способность слов *liber* и *uolumen* замещать друг друга в указанных контекстах, не меняя содержания высказывания, свидетельствует о тождестве их значений и, следовательно, об их синонимии. В данных контекстах оба слова имеют общее значение «книга, сочинение», которое подчеркивается также тем, что в этих контекстах слова *liber* и *uolumen* выступают в сочетании с глаголами *componere*, *condere*, *scribere* и т. п., обозначающих процесс творчества. Выявленные стандартные формулы и сочетаемость с указанными глаголами являются критериями для выделения у слова *uolumen* общего значения «сочинение» (а не материального «свиток»).

4. Четвертую группу стандартного употребления слов *liber* и *uolumen* составляют случаи использования этих слов для обозначения книги как материального предмета (свитка). Главным критерием того, что слова *liber* и *uolumen* обозначают материальный предмет (свиток), а не общее понятие, является их сочетаемость с глаголами физического воздействия – *ostendere*, *euoluere*, *mittere*, *corrumpere*, *referre in* (+ асс.) и т. п., а также с

прилагательными и причастиями, обозначающими материальные свойства свитка (*signatus, crassus* и т. п.).

Исследование показало, что обычным словом, указывающим на свиток как предмет, было слово *liber*, а слово *uolumen* в этом значении встречается крайне редко, главным образом только у Цицерона и в поэзии. Цицерон изредка допускает употребление *uolumen*: *nam cum ad hunc locum uenissem, euolui uolumen epistularum tuarum quod ego <sub> signo habeo seruoque diligentissime* (Cic. Att. IX 10, 4), вероятно, в качестве риторической *figura etymologica* «я развил свиток» и из стремления к точности выражения. В большинстве случаев с этим же глаголом Цицерон употребляет *liber*: *eloquentia Platonem superare possumus? euolue diligenter eius eum librum, qui est de animo: amplius quod desideres nihil erit* (Cic. Tusc. I 24).

Остальные авторы практически не используют слово *uolumen* в сочетании с указанными глаголами и прилагательными и употребляют его почти исключительно в пределах одного предложения при близком, контактном расположении слов *liber* и *uolumen* для уточнения содержания *liber*: *librorum appellatione continentur omnia uolumina, siue in charta siue in membrana sint siue in quauis alia materia ... si in codicibus sunt ...* (Ulp. dig. XXXII 1, 52), или во избежание повтора: *erant autem isti omnes libri Graeci miraculorum fabularumque pleni ... ipsa autem uolumina ex diutino situ squalebant et habitu aspectuque taetro erant* (Gell. IX 4, 4).

Выявленные устойчивые модели употребления слов *liber* и *uolumen* позволили интерпретировать ряд спорных контекстов, в частности, упомянутую выше фразу из письма Плиния Младшего '*Studiosi tres*', *in sex uolumina propter amplitudinem diuisi, quibus oratorem ab incunabulis instituit et perficit* (Plin. ep. III 5, 5). Плиний сообщает название труда своего дяди, используя в сжатом виде стандартную формулу (*Studiosi* (sc. *libri*) *tres*), таким образом, название выступает единым блоком, но в сжатом виде. Слово *libri* Плиний в этой формулировке не использует. Сам Плиний допускает употребление слова *uolumen* в значении «глава, раздел» (Plin. ep. III 10, 3),

следовательно, понимание *sex uolumina* как «шесть разделов (книг)» не противоречит словоупотреблению Плиния, а также соответствует употреблению *uolumen* в значении «книга, глава, раздел сочинения», засвидетельствованному у Варрона и Цицерона.

Слово *amplitudo* имеет устойчивую и несомненно ощущавшуюся связь с понятием объема книги-главы, встречающимся в римской литературе начиная с Варрона. Обычно именно однокоренные с *amplitudo* слова *amplus* и *amplius* используются тогда, когда речь идет о необходимости завершить данную главу или раздел произведения: *neque, si amplius uelimus, uolumen patietur* (Varro l. L. V 184); *qui amplioribus uoluminibus ... explicauerunt* (Vitr. V pr. 1).

Необходимо также учитывать общий контекст всего письма: Плиний перечисляет все труды своего дяди, регулярно отмечая их композиционное устройство в виде числа глав и используя при этом стандартную модель названия. Во всем пассаже он говорит о содержании и структуре произведений, а не о том, как они выглядели внешне. В этом едином ряду фраза *in sex uolumina diuisi* подразумевает разделение первоначально запланированных трех книг на шесть в связи с тем, что объем излагаемого в книге материала превысил первоначально запланированный.³⁴ О подобном изменении структурного или композиционного устройства сочинений сохранились некоторые свидетельства. Один из самых известных случаев изменения первоначально задуманного числа в своем сочинении является сборник Овидия *Amores*, который сначала состоял из пяти книг, а затем Овидий переделал их в три книги, о чем сообщает сам в начальном стихотворении сборника (Ou. am. pr.).

³⁴ Можно отметить также, что употребление глагола *diuidere* прослеживается преимущественно в тех случаях, когда речь идет о делении какого-либо произведения на части-главы: *C. Octavius Lampadio Naeuii Punicum bellum quod uno uolumine et continenti scriptura expositum diuisit in septem libros* (Suet. de gramm. 2, 4); *de antiquitate uerborum scis enim geniales homines ab antiquis appellatos qui ad inuitandum et largius adparandum cibum promptiores essent. quod uolumen unum nos lectitauimus et postea inuenimus septemfariam diuisum* (Santra gram. fr. 5).

Итак, из слов Плиния Младшего можно делать выводы исключительно о композиционном построении сочинения Плиния Старшего, а не о том, сколько материальных свитков оно занимало в действительности.³⁵

ВТОРАЯ ГЛАВА диссертации «Об употреблении слов *charta* и *membrana (membranae)*» посвящена рассмотрению слова *charta* – третьего латинского существительного, обозначающего книгу, – на фоне раскрытия общей картины использования папируса и пергамена в период, рамками которого ограничено настоящее исследование.

Существующие исследования книжной терминологии изучали слова *liber* и *uolumen* вне их связи со словом *charta* и не обращали должного внимания на их соотношение. Поэтому в работе изучены все случаи употребления слова *charta* и проведена их классификация.

В единственном числе *charta* употребляется для обозначения готового папируса-бумаги. Как известно, папирус поступал в продажу в виде готовых чистых свитков – это явствует из сообщения Плиния Старшего (Plin. n. h. XIII 68).³⁶ Мы знаем также, что папирус мог быть разного качества: выделялось несколько сортов папируса, из которых одни были пригодны для письма, а другие (*charta emporitica*) вследствие своего более грубого характера не годились для письма и использовались как оберточная бумага.

Папирус как материал (в виде свитка или части свитка) мог предназначаться для разнообразных целей: для кулинарных целей, что нашло отражение в выражениях: *charta cooperire (praecludere, obdurare, tegere)*, *in charta inuoluere* (Apic. VIII 6, 11; VIII 7, 1; VIII 7, 1; VIII 7, 5; VIII 8, 8; VIII 8, 9; IX 10, 1); в медицинских целях, что отразилось в выражении *charta*

³⁵ Один из показательных примеров сложного композиционного строения сочинения, состоящего в классификации материала по разделам и подразделам (соответствующим современным единицам – «том» и «полутом»), представляет папирус P. Gr. Berol. 20, содержащий комментарий Дидима (I в. до н. э.). См.: Didymos' Kommentar zu Demosthenes (Papyrus 9780) nebst Wörterbuch zu Demosthenes' Aristocratea (Papyrus 5008) bearbeitet von H. Diels und W. Schubart. Berlin, 1904. S. XVIII, S. 73.

³⁶ The Oxford Classical Dictionary. Ed. by N. G. L. Hammond and H. H. Scullard. 2nd ed. Oxford, [1970]. P. 172-175, s. u. "Books".

combusta «жженный папирус» (Cels. V 8, 1; V 22, 2b; V 22, 5; VI 4, 3; VI 15, 1; VI 19, 2 и Scrib. Larg. 114, 5 и 237,7).³⁷

Главным назначением папируса было его употребление в качестве материала для письма. В качестве вещественного существительного слово *charta* «бумага» выступает в сочетании с прилагательными, определяющими качество или свойство бумаги. Так, у Катутла и Стация мы находим выражение «новая бумага»: *chartae regiae nouae libri* (Catull. 22, 6) и *noster (sc. liber) purpureus nouusque charta / et binis decoratus umbilicis* (Stat. silu. IV 9, 7); у Цицерона – «лощенная бумага»: *calamo et atramento temperato, charta etiam dentata res agetur* (Cic. Q. fr. II 15, 1); у Фронтонa – «гладкая»: *Sota Ennianus remissus a te et in charta puriore et uolumine gratiore et littera festiuore quam antea fuerat, uidetur* (Fronto ad M. Caes. IV 2, 6). Слово *charta* в единственном числе имеет вещественное значение и обозначает материал для письма в выражении «писать на бумаге» в тех случаях, когда речь идет о папирусе-бумаге вообще: *sed et id, quod in charta mea scribitur aut in tabula pingitur, statim meum fit* (Paul. dig. VI 1, 23, 3, 2), а также в выражениях «нет бумаги», «не хватает бумаги» и т. п.: *etsi paene praeterii chartam tibi deesse ... tu uero aufer CC; etsi meam in eo parsimoniam huius paginae contractio significat* (Cic. Att. V 4, 4).

Переносное значение у слова *charta* возникает в сочетаниях этого слова с эпитетами, характеризующими не материальную сторону бумаги («новая, хорошая, чистая» и т. п.), а содержательную сторону того, что на этой бумаге написано. Впервые в римской литературе слово *charta* (в единственном числе) получает дополнительный эмоционально-экспрессивный оттенок у Катутла (Catull. 36, 1; 36, 20). Образное значение слова *charta* наблюдается также в довольно часто встречающемся в литературе образе «говорящей бумаги» или «разговора с бумагой», в котором бумага выступает как носитель информации или как собеседник: *facite haec charta loquatur anus*

³⁷ В греческом языке этому сочетанию соответствует χάρτης κεκαυμένος, засвидетельствованное у Галена (Gal. X 382; XIII 315).

(Catull. 68B, 46); *fama fuisse loquax chartaque dicet anus* (Mart. XII 3, 4); *de re <publica> breuiter ad te scribam; iam enim charta ipsa ne nos prodat pertimesco* (Cic. Att. II 20, 3); *omnes ista solet charta uocare suos* (Mart. XIV 11, 1).

Помимо образного значения в римской литературе засвидетельствовано переносное значение слова *charta*, сформированное по метонимической модели «материал – предмет из него». В отличие от слова *uolumen*, очень редкого в поэзии, *charta* встречается часто и выступает обычным обозначением свитка с точки зрения его внешнего описания (то есть относительно формы и материала), имея значение «книга-свиток из папируса». В этом значении обычно употребляется множественное число *chartae*. О том, что слово *chartae* выступает в данном случае синонимом *liber* для обозначения материального предмета – книги и обозначает именно папирусные книги-свитки (а не отдельные папирусные листы), свидетельствуют следующие факты.

Во-первых, во многих случаях употреблены одновременно слова *libri* и *chartae* и называют при этом один и тот же материальный предмет, участвующий в описываемой в данном контексте ситуации:

*ne studio nostri pecces odiumque libellis
sedulus inportes opera uehemente minister.
si te forte meae grauis uret sarcina chartae,
abicito potius, quam quo perferre iuberis* (Hor. ep. I 13, 6).

Во-вторых, в ряде случаев, когда речь идет о своих собственных или чужих книгах, слово *chartae* определяется притяжательными и указательными местоимениями и повторяет, таким образом, стандартную конструкцию слова *liber*: *si qua uidebuntur chartis tibi, lector, in istis* (Mart. II 8, 1) и *de diuinatione ingressi sumus his libris scribere* (Cic. diu. II 3); *namque his uoluminibus aperui omnes disciplinae rationes* (Vitr. I pr. 3).

В-третьих, слово *chartae* участвует также в устойчивом сочетании «записывать в книги», когда речь несомненно идет о книге как публикации произведения:

*conpressis agito labris; ubi quid datur oti,
inludo chartis ... (Hor. sat. I 4, 139).³⁸*

Эта конструкция повторяет стандартные выражения: *litterae lituraeque omnes adsimulatae et expressae de tabulis in libros transferuntur* (Cic. Verr. II 190); *uideo quid agas; tuas quoque epistulas uis referri in uolumina* (Cic. fam. XVI 17, 1).

Дальнейший перенос значения дал более общее значение «книга» у слова *chartae*, которое наиболее очевидно в тех случаях, когда оно выступает в сочетании с прилагательными, характеризующими содержание книги (когда речь несомненно идет о книгах). Кроме большей употребительности слово *charta* отличается от слова *uolumen* тем, что имеет значительно большее количество различных определений, нередко эмоционально окрашенных, в то время как определениями к *uolumen* служат в основном прилагательные, выражающие объем, и порядковые числительные. Так, только что изданную книгу Марциал называет *noua charta: ut rosa delectat, metitur quae pollice primo, / sic noua nec mento sordida charta iuvat* (Mart. X 93, 6); свиток с поздравлениями – *charta salutatrix: Marcus amat nostras Antonius, Attice, Musas, / charta salutatrix si modo uera refert* (Mart. IX 99, 2); скучную книгу на мифологические темы – *misera charta: quid te uana iuuant miserae ludibria chartae? / hoc lege, quod possit dicere uita 'Meum est'* (Mart. X 4, 7); книжку с недостойными просьбами – *improba charta: si quid forte petam timido gracilique libello, / inproba non fuerit si mea charta, dato* (Mart. VIII 24, 2).

Наконец, решающим аргументом в пользу выделения у слова *chartae* значения «свитки» являются свидетельства римских юристов. Так, один и тот же предмет, а именно счетные книги, в одном месте Ульпиан называет *chartas ad ratiunculam uel ad logarium paratas*, а в другом – *uolumina rationum: sed et chartas ad ratiunculam uel ad logarium paratas contineri* (Ulp. dig. XXXIII 9, 3, 10, 2 – 11, 6) и *in reliquis accipere debemus, ut et ipsa uolumina rationum*

³⁸ Ср. выражение Марциала *aliqua cum iocarer in charta* (Mart. V 26, 2).

reddantur (Ulp. dig. XL 4, 13, 2); *quod autem ad ipsa uolumina rationum tradenda percontandasque et examinandas rationes* (Ulp. dig. XL 7, 6, 7). Если учитывать терминологический и технический характер слова *uolumen* в словоупотреблении Ульпиана, то идентичность значения *chartae* и *uolumina* в данном случае совершенно очевидна.

Можно предполагать, что наличие у слова *charta* значения «книга» наблюдалось в разговорном языке, из которого оно и проникло в поэзию. Это предположение, помимо факта присутствия этого слова в «Сатирах» Горация, разговорный характер которых хорошо известен, подтверждается также прямым свидетельством Дигест: *nam et in usu plerique libros chartas appellant* (Ulp. dig. XXXII 1, 52) «ибо большинство в обиходе называют книги словом *chartae*».

Значение «папирусные свитки» у слова *chartae* также проявляется в сочетании *chartae epistulares*, которое встречается в Дигестах (Ulp. dig. XXXIII 9, 3) и у Марциала:

Chartae epistulares

Seu leuiter noto, seu caro missa sodali

omnes ista solet charta uocare suos (Mart. XIV 11, 1).

О том, что среди сортов папируса существовал сорт, специально предназначенный для писем, свидетельствует Плиний Старший, говоря о сортах папируса: *ob haec praelata omnibus Claudia* (sc. *charta*), *Augustae in epistulis auctoritas relicta; Liuiana suam tenuit* (Plin. n. h. XIII) «поэтому самым лучшим стал клавдиев сорт (*charta Claudia*), августов сорт (*charta Augusta*) остался лучшим для писем, ливиев сорт (*charta Liuiana*) сохранил свое место». Папирус для писем должен был отличаться от тонкого книжного папируса – в отличие от книг, которые хранились в футлярах или в коробках, письма подвергались при пересылке различным механическим воздействиям. Сохранившиеся египетские папирусы представляют многочисленные образцы как частных, так и официальных писем (главным образом на греческом языке, но есть некоторое число и латинских писем), которые

позволяют судить о том, как выглядело античное письмо. Во всех случаях употребления слова *chartae* у Марциала оно выступает уточняющим, более наглядным синонимом слова *liber* и в большинстве случаев употребляется рядом с *liber* в пределах одной фразы по отношению к одному и тому же предмету:

Manuale

Ne toga barbatus faciat uel paenula libros,

haec abies chartis tempora longa dabit (Mart. XIV 84, 2),

что делает необоснованным понимание выражения *chartae epistulares* в ином смысле, нежели «свитки бумаги для писем».³⁹

Прямое соответствие латинскому *chartae epistulares* мы находим в сочетании *χάρται ἐπιστολικαί*, засвидетельствованном в греческих папирусах:

καί γάρ καὶ πολλάκις μου ἐπιστείλαντός σοι καὶ χάρτας ἐπιστολικὰς ἀποστείλαντός... (Atene e Roma VII (1904) 125 (III в. н. э.)).

Подробному анализу значения слова *χάρτης* в греческом языке посвящен отдельный раздел фундаментального исследования Н. Льюиса о папирусе в классической древности.⁴⁰ Вопрос, который долгое время оставался предметом дискуссий, касался второго значения этого слова и заключался в том, обозначает ли слово *χάρτης* отдельный папирусный лист или же этим словом обозначали целый готовый свиток.⁴¹ Льюис придерживается мнения, что слово *χάρτης* применялось по отношению к готовому папирусному свитку в том виде, в котором он выходил из

³⁹ Отметим, что для перевода *chartae* Ф. А. Петровский нередко использует именно слово «листки». Для перевода (тем более стихотворного) это сочетание вполне допустимо. В данном исследовании речь идет не о переводе, а о том, какая конкретная реалья стоит за рассматриваемым словом. В действительности речи об отдельных листках идти не могло.

⁴⁰ Lewis N. Papyrus in Classical Antiquity. Oxford, 1974. P. 70-78.

⁴¹ Значение «лист папируса» принимается, например: Grenfell B. P., Hunt A. S. P. Amh. ii.151; P. Teb. 420; P. Oxy. 1142.12; Dziatzko K. Untersuchungen über ausgewählte Kapitel des antiken Buchwesens. Berlin, Leipzig, 1900. P. 44, 87; Schubart W. Einführung in die Papyruskunde. Berlin, 1918. S. 36. Значение «папирусный свиток» принимают: Karabaček J. Mittheil. Samml. Pap. Erzherzog Rainer. II. 1887. S. 102; Grenfell B. P., Hunt A. S. P. Grenf. i.107; Thompson E. M. An Introduction to Greek and Latin Palaeography. Oxford, 1912. P. 22; Birt Th. Kritik und Hermeneutik. S. 274.

папирусной фабрики.⁴² Этот вывод он аргументирует как литературными цитатами (в том числе приводя латинские соответствия Catull. 1, 6-7; Seren. Samm. 39, 725-726),⁴³ так и многочисленными данными сохранившихся папирусов.

В данной главе диссертации также рассматриваются античные свидетельства о появлении пергамента в Риме и анализируются все случаи употребления слова *membrana (membranae)* в латинском языке классической эпохи.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА диссертации «**Терминология частей книги-свитка и специальных видов писчих материалов**» посвящена лексемам, касающимся внутреннего устройства и внешнего оформления папирусного свитка, а также интерпретации слов *libellus* и *codicilli*.

Папирус поступал в продажу в виде готовых свитков, но в обиходе каждый мог сам подклеить к свитку дополнительные листы или отрезать от свитка необходимую ему часть. О греческих терминах *κόλλημα* и *σελίς*, обозначающих отдельный папирусный лист и отдельную колонку текста в готовом свитке, в научной литературе долгое время велась дискуссия.⁴⁴ Результаты ее можно резюмировать следующим образом. Согласно своей этимологии слово *κόλλημα* обозначает отдельную подклеиваемую в свиток часть. Если речь идет о свитке, изготовленном на папирусной фабрике, то это слово относится к одному чистому листу. Так, в колофоне одного из свитков, найденных в Геркулануме, находится запись, что текст состоит из 95

⁴² К этому же выводу независимо пришли и другие исследователи: Skeat T. C. // Journ. Rom. Stud. 1935. LV. P. 95; Rostovtzeff M. Soc. Econ. Hist. Hell. World. Oxford, 1941. P. 310; Turner E. G. Athenian Books in the Fifth and Fourth Centuries B. C. London, 1952. P. 21, note 4; Hunger H. // Geschichte der Textüberlieferung. I. S. 31; Roberts C. H. // Oxford Classical Dictionary. P. 173.

⁴³ Так, например, Иосиф Флавий (Jos. c. Apionem I 307) употребляет слово *χάρτης* для перевода еврейского слова «свиток» (*megiloh*).

⁴⁴ Schubart W. Das Buch bei den Griechen und Römern. S. 172-173; подробно см.: Lewis N. Papyrus in Classical Antiquity. P. 79-80.

κολλήματα и 137 σελίδες.⁴⁵ Это означает, что в свитке 95 папирусных листов, на которых 137 колонок текста. Слово σελίς, таким образом, используется для обозначения одной колонки текста. В этом значении его употребляет Полибий: ἱστορίαν ἐν τρισὶν ἢ τέτταρσιν ἐξηγησάμενοι σελίσιν (Polyb. V 33, 3).

Слово κόλλημα может обозначать также и отдельный чистый лист папируса (разного размера).⁴⁶

Этим же словом назывался документ, написанный на листе папируса.⁴⁷ О существовании практики подклеивания нескольких документов в один длинный свиток для удобства хранения и использования хорошо известно. Такой свиток, составленный из документов примерно одного формата, назывался τόμος συγκολλήσιμος. Некоторые составные свитки были очень громоздкими и могли состоять из 400 документов и более. В пределах такого свитка слово κόλλημα относилось к одному документу, который обычно представлял собой один лист, но мог быть и большего размера. Большинство же документов представляло собой один лист с одной колонкой текста, поэтому κόλλημα в реальной практике оказывалось идентичным σελίς. В результате в бюрократическом языке Египта во II в. н. э. слово κόλλημα стали употреблять по отношению к колонке текста, а не к листу.⁴⁸

Что касается соответствующей латинской терминологии, то в ней для обозначения отдельной колонки текста применяется слово *pagina*. В ряде мест весьма значимо правильное представление об обозначаемой словом *pagina* реалии. Например, в одном из своих писем Корнелию Минициану Плиний Младший, сообщив все местные новости, просит, чтобы его корреспондент так же подробно изложил ему свои и чтобы письмо было таким же длинным, в шутку угрожая, что он пересчитает не только колонки

⁴⁵ Scott, Walter. *Fragmenta Herculaneisia*. Oxford, 1885. P. 41.

⁴⁶ P. Cairo Zenon 59054, 46-47; P. Mich. 123 R VII; P. Ryl. 629 (ll. 63, 121, 157); P. Ryl. 268; P. Ryl. 631 (l. 93); P. Ryl. 636 (l. 209); P. Leid. W (col. 6, 40); P. Köln. Panop. 29, 17. 253.

⁴⁷ P. Merton. 80, 9-10; P. Princ. 127, 12-13.

⁴⁸ Lewis N. *Papyrus in Classical Antiquity*. P. 81.

текста, но и строки, и даже слоги: *ego non paginas tantum, sed uersus etiam syllabasque numerabo* (Plin. ep. IV 11, 16). Этот пассаж показывает, что письмо свободно располагалось на папирусе и могло занимать несколько колонок. Общепринятый перевод данного пассажа выглядит так: «... письмо должно быть таким же длинным. Я пересчитаю не только страницы, но даже строки и слоги» (пер. М. Е. Сергеенко). В художественном переводе общий смысл фразы безусловно понятен, но он весьма значительно разрушает реальную основу этих строк и живое представление об античной книге, заключенное в термине *pagina*, в результате чего создается неверный облик страниц современного типа и уничтожается столь важный для античного мировоззрения образ развернутого папирусного свитка, дающего перспективу и более широкое видение текста по сравнению с современными страницами.⁴⁹ Аналогичное употребление слова *pagina* по отношению к колонке текста обнаруживается в письмах Цицерона: *respondebo primum postremae tuae paginae* (Cic. Att. VI 2, 1); *team parsimoniam huius paginae contractio significat* (Cic. Att. V 4, 4).

Далее в третьей главе рассматриваются термины *schida*, который употреблялся для обозначения отдельного листа (или листка); *πρωτόκολλον, protocollum* (Iust. nou. 44, 2) и *ἔσχατοκόλλιον, eschatocollion* (Mart. II 6, 3); проводится различие между словом *index*, обозначавшим ярлык (обычно пергаменный) с названием произведения, и словом *titulus*, обозначавшим саму надпись-заглавие.

Отдельное внимание уделяется в работе табличкам, найденным в 70-е годы прошлого века на месте расположения римских военных подразделений в Виндоланде и Карлайле в Британии и датированным последним десятилетием I в. н. э.

В Виндоланде было обнаружено два типа деревянных табличек. Первую группу составляют обычные церы, на которых писали стилем (англ.

⁴⁹ Ср.: Skeat T. C. The Origin of the Christian Codex // ZPE. 1994. 102. P. 163-268; Skeat T. C. Roll versus Codex – A New Approach // ZPE. 1990. 84. P. 297-298.

stylus-tablets). Таких табличек найдено немногим более десяти. Большинство же табличек представляет собой очень тонкие деревянные пластины, которые предназначались для письма чернилами. Тонких табличек (англ. *leaf-tablets*) обнаружено несколько сотен.⁵⁰ Столь разительное преобладание тонких табличек над церами в одном и том же месте в один и тот же, достаточно короткий, временной промежуток весьма убедительно показывает, что помимо папируса и пергамена в классической древности в широком употреблении находился ещё один вид мягкого материала, предназначенного для письма чернилами, – тонкая гибкая древесина.

Внешний вид и устройство грамот из Виндоланды практически в точности соответствуют описаниям тонких деревянных диптихов, которые, по словам Геродиана (Herodian. I 17, 1) и Диона Кассия (Dio Cass. LXVII 15, 3; LXXII 8, 4), употреблялись в Риме для временных записей.

В диссертации проводится сопоставление описаний Геродиана и Диона Кассия, с одной стороны, и данных табличек Виндоланды, с другой стороны, с той реалией, которую римские писатели называют словом *codicilli*.

Обычно считалось, что это слово обозначает тонкие деревянные дощечки, покрытые воском, которые употреблялись для кратких и срочных записок или в случаях, когда папируса и калама не было под рукой.⁵¹ Следует, однако, заметить, что слово *codicilli* встречается в контекстах, где речь идет о коротком письме, содержащем два-три слова и которое противопоставлено более длинному посланию, обозначаемому словами *epistula* или *litterae*: *simul accepi a Seleuco tuo litteras, statim quaesiui a Balbo per codicillos quid esset in lege. rescripsit eos qui facerent praeconium ...* (Cic. fam. VI 18, 1); *puer Acidini obuiam mihi uenit cum codicillis in quibus erat scriptum paulo ante lucem Marcellum diem suum obisse* (Cic. fam. IV 12, 2).

⁵⁰ Bowman, Alan K. The Roman Writing Tablets from Vindolanda. [London]: British Museum, 1983. P. 19; Vindolanda: the Latin writing-tablets. By Alan K. Bowman and J. David Thomas with contributions by J. N. Adams and Richard Tapper. London, 1983. P. 26; Антоненц Е. В. Введение в римскую палеографию. М., 2009. С. 35-41.

⁵¹ Cicero in his Letters. Edited with notes by Robert Yelverton Tyrrell. [4th ed.] London, 1903 (= 1966). P. 177.

Противопоставление *epistulae* и *codicilli* обнаруживается в письмах Сенеки (Sen. ep. 55, 11), а особенно интересным и показательным представляется употребление слова *codicilli* для обозначения любовной записки, засвидетельствованное у Светония: *Curtius Nicia haesit Cn. Pompeio et C. Memmio sed cum codicillos Memmii ad Pompeii uxorem de stupro pertulisset, proditus ab ea Pompeium offendit domoque ei interdictum est* (Suet. gramm. 14).

На основании этого сопоставления в диссертации высказывается предположение, что словом *codicilli* обозначались тонкие деревянные диптихи для одноразового использования и коротких записок, подобные найденным в Виндоланде. Это предположение подкрепляется тем фактом, что многие авторы, употребляющие слово *codicilli* применительно к коротким запискам (Светоний, Марциал, Сенека), – современники грамот Виндоланды.

Далее в третьей главе диссертации проводится попытка определить характер реалий, обозначаемых словом *libellus*. Это слово имеет несколько значений. Во-первых, оно является уменьшительным к существительному *liber* «книга» и в этом значении функционирует так же, как *liber* (ср. русск. «книга» и «книжка»). Вторым значением этого слова является значение «документ» (OLD, s. u. 3a, b, c, d). Оксфордский словарь выделяет следующие жанры документов, обозначаемых этим словом: a. депеша, донесение, отчет, список; b. просьба, петиция; c. жалоба; d. (юр.) изложение дела, предоставляемое адвокату.

Прямых свидетельств о точном устройстве тех предметов, которые называются словом *libellus* в значении «документ», в римской литературе практически нет. Выводы об их внешнем виде мы можем делать исключительно из косвенных данных и на основании анализа контекстов. Решающее значение имеют также папирусные находки, которые показывают, что одной из форм небольших сообщений, свидетельств, жалоб и петиций был отдельный папирусный лист любого размера. Такие документы во множестве представлены среди египетских папирусных находок. Косвенные

данные о компактности и относительно малых размерах документов, обозначавшихся словом *libellus*, мы находим в римской литературе (Suet. Iul. 82; Mart. V 51).

Анализ контекстов употребления *libellus* в значении «документ» в латинском языке и сопоставление их с сохранившимися документами указанных типов позволили предположить, что словом *libellus* в латинском языке обозначался документ любого размера, написанный на папирусе или любом другом мягком материале. Тем самым по характеру материала *libellus* был противопоставлен, например, документам на деревянных досках – *tabulae*. Это противопоставление отражает также и функциональное различие между документами на досках (*tabulae*) – на них писались важные документы, требующие длительного хранения, прежде всего завещания, денежные расписки и государственные решения – и документами временного характера (*libellus*) – петиции, просьбы, депеши, отчеты и т. п.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ излагаются результаты выполненного исследования.

1. Первый вывод диссертации заключается в том, что существительное *uolumen* с самого начала его фиксации в языке (у Цицерона и Варрона) и на протяжении всего классического периода латинского языка широко использовалось для обозначения книги как отвлеченного понятия.

Исследование показало, что 60% случаев употребления слова *uolumen* в римской литературе классического периода укладываются в рамки нескольких стандартных моделей, характерных также и для слова *liber*. В этих моделях оба слова выступают как полностью тождественные по значению синонимы и обозначают абстрактные понятия «глава-раздел сочинения», «(однотомное или многотомное) сочинение» и «книга, труд (безотносительно к числу глав)».

Авторы, у которых слово *uolumen* замещает лексему *liber* в устойчивых выражениях и оборотах, – а именно Витрувий (I в. до н. э.), Колумелла (II в. н. э.), Цельз, Плиний Старший (I в. н. э.), писатели *Historiae Augustae* и

Юстин, а также эпистолографы (Цицерон, Сенека) – писали в тех литературных жанрах, которые сохранили многие выражения живого разговорного языка. Сочинения этих авторов рассматриваются как один из источников для изучения народной латыни.⁵² Это наблюдение дает основание предположить, что слово *uolumen*, будучи эквивалентом слова *liber*, принадлежало к слою разговорной лексики и проникло в язык специальной литературы и частных писем из обиходного языка.

Первичным, «прямым» значением слова *uolumen* мы предлагаем считать значение «виток, изгиб»; остальные значения, по-видимому, развивались из первичного посредством метонимического переноса значения. На основании приведенных контекстов и аргументов, изложенных в диссертации, представляется целесообразным выделить значение «свиток» в отдельное самостоятельное значение (чего в словарях латинского языка обычно не делается). Общее значение «сочинение» у слова *uolumen* фиксируется у Цицерона, значение «книга, раздел» – у Варрона, а затем эти значения встречаются у тех авторов, язык которых, как сказано выше, испытывает влияние разговорного словоупотребления: у Витрувия, Колумеллы, Цельза, Плиния Старшего, а также в письмах Цицерона, Плиния Младшего и Сенеки.

В 10% случаев употребления в литературе слово *uolumen* означает «свиток». Это значение проявляется, как правило, в позиции уточнения, которая обычно возникает в пределах одного предложения или двух близко расположенных предложений. В позициях уточнения проявляется отличие в значении слов *liber* и *uolumen*, которое заключается в большей конкретности слова *uolumen*, благодаря которой более общее слово *liber* конкретизируется.

Слово *uolumen* оказывается необходимым главным образом в тех случаях, когда возникает потребность противопоставить книги различной формы (книгу-свиток и книгу-кодекс – Ulp. dig. XXXII 1, 52), книгу и документ (свиток и таблички – Suet. Aug. 101, 1-4; Plin. n. h. XIII 88; Plin. n. h.

⁵² Дынкиков А. Н., Лопатина М. Г. Народная латынь. М., 1998. С. 9-10, 11-12.

XIII 69), подчеркнуть форму свитка, присущую исключительно книгам определенного содержания (религиозные, священные, старинные и т. п. книги – Plin. n. h. XIII 74; Seru. ad Aen. XI 554), а также в ситуации точного подсчета числа книг в собрании или книгохранилище (Ulp. dig. XXXII 1, 52, 2; Gell. VII 17, 3). Здесь слово *uolumen* имеет собственное, «техническое» значение «свиток», выступая в литературе как своего рода *terminus technicus*.

Конкретное значение слова *uolumen* проявляется практически исключительно у Цицерона, в поэзии и в юридических текстах. Конкретный (вещественный) характер слова *uolumen* у Цицерона ясен из анализа сочетаемости этого слова с глаголами и прилагательными. В словоупотреблении Цицерона (и авторов, следующих ему в этом отношении) *uolumen* соединяется главным образом с глаголами, обозначающими механическое воздействие на книгу как материальный предмет, а именно *referre in* (+ асс.) и *implere* (+ асс.) «переписать в книгу», а также с глаголами «дать, послать, вернуть книгу», но не соединяется с глаголами с семантикой «написать, сочинить» и т. п.

У писателей эпохи серебряной латыни (прежде всего у Плиния Старшего) слово *uolumen*, напротив, выступает только в сочетании с такими глаголами, как *componere* «составить», *exponere* (+ abl.) «излагать», *condere* «сочинить», *scribere* «написать», *edere* «издать», *dicare* «посвятить», *extare* «сохраниться», *relinquere* «оставить», *esse* «существовать», *ediscere* «учить наизусть», то есть с такими, которые обозначают процесс творчества, создания текста произведения и обычно входят в сочетания с существительными, выражающими смысловую сторону книги (например, *opus* «труд, творение»), а также с более частными понятиями – *carmen* «стихотворение, песнь» и т. п. У этих авторов слово *uolumen* утратило свою первоначальную конкретность и выступает полностью тождественным слову *liber*.

При этом у ряда писателей (Витрувий, Колумелла, Цельз, Плиний Старший, Юстин, Веллей Патеркул) засвидетельствована полная синонимия

слов *liber* и *uolumen* – они выступают тождественными во всех позициях их употребления. Словоупотребление указанных писателей контрастирует со словоупотреблением остальных авторов, которые используют *uolumen* крайне редко, причем, как показано в диссертации, главным образом в двух случаях – для избежания повтора находящегося рядом слова *liber* (в данном случае *uolumen* и *liber* тождественны), либо для уточнения слова *liber*.

2. С этим выводом сопряжен вопрос, почему в римской литературе I в. до н. э. рядом с обычным и привычным словом *liber* возникло слово-синоним. В качестве ответа в настоящей диссертации предлагается гипотеза, связывающая появление нового слова для обозначения книги (*uolumen*) с ростом массового производства книг и бурным развитием частных библиотек именно в эту эпоху, что вызвало необходимость учесть, каталогизировать и пересчитать книги.

Например, сочинение в трех книгах не обязательно могло занимать строго три свитка. Проблема, с которой неизбежно должны были столкнуться римские библиотекари, заключалась в необходимости так указать в каталоге библиотеки число свитков (= учетных единиц хранения) произведения, чтобы было понятно, что речь идет о материальных носителях, а не о единицах членения сочинения. По-видимому, здесь и могло понадобиться новое слово, которое бы недвусмысленным образом обозначило один свиток как предмет, который необходимо учесть.

Аргументом в пользу предложенной гипотезы служат два ключевых контекста, в которых наиболее очевидно проявляются несовпадающие компоненты значения слов *liber* и *uolumen*:

ut puta cum haberet Homerum totum in uno uolumine, non quadraginta octo libros computamus, sed unum Homeri uolumen pro libro accipiendum est (Ulp. dig. XXXII 1, 52, 2);

ingens postea numerus librorum in Aegypto ab Ptolemaeis regibus uel conquisitus uel confectus est ad milia ferme uoluminum septingenta; sed ea omnia bello priore Alexandrino ... incensa sunt (Gell. VII 17, 3).

В обоих случаях речь идет о подсчете числа книг (= томов) в том или ином книжном собрании, и тогда слово *uolumen* оказывается незаменимым – оно необходимо для указания на конкретное число имеющихся в наличии свитков (в отличие от числа книг того или иного автора).

3. Третьим словом, которое конкурировало и с *liber*, и с *uolumen*, было слово *charta*.⁵³ Именно его наличием объясняется факт исключительно редкого использования слова *uolumen* для обозначения свитка. Семантика слова *charta* раскрывается при рассмотрении всех случаев употребления этого слова и сопоставлении с его греческим этимологом χάρτης. Как показал проведенный анализ, именно слово *charta* обычно выступало в латинском языке обозначением папирусного свитка как материального предмета и в большинстве случаев употребления имеет значение «папирусный свиток».

Исследование позволило внести уточнения в словарные статьи для слова *charta* в существующих словарях латинского языка: обоснована необходимость провести различие между значением слова *charta* в единственном числе – «папирус как писчий материал» (*auersa charta, inuersa charta, transuersa charta*) – и значением этого слова во множественном числе – «папирусные свитки, книги» (*chartas emere, chartae purae, chartae uacuae*), которое соблюдается во всех случаях употребления рассматриваемой лексемы в римской литературе. В качестве переносного значения слова *charta* следует отметить значение «глава, раздел», засвидетельствованное в поэзии.

4. Одним из результатов проведенного в диссертации исследования явилась интерпретация слова *libellus* в ряде контекстов римских авторов. Применение метода филологического анализа текста в сочетании с

⁵³ Синонимия всех трех слов очевидна в позициях замещения, например: *litterae lituraeque omnes adsimulatae et expressae de tabulis in libros transferuntur* (Cic. Verr. II 190); *uideo quid agas; tuas quoque epistulas uis referri in uolumina* (Cic. fam. XVI 17, 1); *mihi parta laus est quod tu, quod similes tui / uestras in chartas uerba transfertis mea* (Phaedr. 4 pr. 18). Следует отметить, что когда речь идет о писчей поверхности книги, о чистых свитках, о качестве или сорте свитка (*chartae epistulares*), то употребление *liber* невозможно. Таким образом, семантическая нагрузка слова *charta* значительно выше, чем у слова *uolumen*.

изучением сохранившихся папирусных документов привело автора к гипотезе, что этим словом мог обозначаться отдельный папирусный лист с текстом документа.

5. Анализ всех случаев употребления слова *codicilli* в латинском языке классического периода и сопоставление реалии, обозначаемой этим словом, со свидетельствами греческих историков и с данными археологии позволил предложить новую трактовку слова *codicilli*. Представляется возможным полагать, что словом *codicilli* в некоторых контекстах (а именно в тех, где речь идет о записках и коротких письмах) обозначены тонкие деревянные диптихи для письма чернилами, подобные найденным в Британии (до сих пор античное латинское название этих диптихов оставалось неизвестным).

6. С учетом предложенной гипотезы настоящее исследование позволило реконструировать систему обозначений предметов, употреблявшихся в Риме для написания текстов разного рода и жанра, и соотнести их с имеющимися памятниками письменности, известными из археологических раскопок. Эта система включает следующие компоненты: публикация или сделанная для личного пользования копия литературного или любого специального сочинения – *liber, uolumen, charta* (папирусный свиток); документы временного содержания (петиции, жалобы, отчеты, мелкие счета и т. п.) – *libellus* (папирус или другой мягкий материал); важные документы, требующие длительного хранения – *tabulae (codex), tabellae ceratae*; записки, краткие сообщения, заметки на память – *codicilli* (тонкие деревянные диптихи).

Таким образом, единой длинной ленте папирусной книги-свитка (*liber*) или ее части в виде небольшого куса этой ленты (*libellus*) оказываются противопоставлены состоящие из нескольких частей и складывающиеся *tabulae* и *codicilli*. Множественное число в названии табличек отражает их многослойную структуру. По такой же словообразовательной модели образованы слова *pugillares* для обозначения маленьких деревянных табличек, умещавшихся в ладони, а также слово *membranae* для обозначения

пергаменной тетрадки, сделанной по принципу деревянных полиптихов. Таким образом, в ряду *tabulae, pugillares, codicilli, membranae* мы наблюдаем единство в отношении словообразовательной модели и внешнего устройства и противопоставление в отношении характера материала и размера.

7. В диссертации анализируется употребление слова *membrana (membranae)* применительно к сфере книжного дела и делается вывод о том, что в классический период латинского языка единственное число *membrana* использовалось для обозначения материала (пергамена); для обозначения пергаменных полиптихов для временных записей употреблялось сочетание *pugillares membranei*, в то время как множественное число *membranae* на начальном этапе внедрения книг в форме кодекса на книжный рынок обозначало пергаменную книжку-кодекс (то есть публикацию в виде блока пергаменных листов, сшитых вместе). К III в. н. э. с распространением книг-кодексов на них перешло название *codex (codices membranei, codices chartacei)*, которое до этого времени к книгам не применялось.

Первое достоверное и наглядное свидетельство существования пергаменных записных книжек (*pugillares membranei*), по форме повторяющих деревянные таблички-кодексы, предоставляют Марциал (Mart. XIV 7) и Гай (Gaius, dig. XL 1, 9), затем *membranae* в этом значении встречается у Квинтилиана (Quint. inst. X 3, 31). Употребление *membranae* по отношению к первым книгам в форме кодекса засвидетельствовано у Марциала (Mart. XIV 184; 186; 190; 192). Наличие в эпоху Марциала пергаменных кодексов подтверждается данными археологии, а именно тем, что самый древний латинский пергаменный кодекс – знаменитый *fragmentum de bellis Macedonicis* (Р. Оху. I 30), представляющий собой историческое сочинение, – датируется временем около 100 г. н. э. и, таким образом, современен эпиграммам Марциала.

На основании проведенного в настоящей работе анализа сообщений античных авторов об изобретении пергамена в Пергаме и появлении пергамена в Риме делается заключение, что в целом сообщения об

изобретении пергамена в середине II в. до н. э. являются легендой, так как этот материал (как свидетельствуют сохранившиеся памятники) был известен на Востоке задолго до этого времени. Пергамен попал в Рим в середине II в. до н. э. вместе с пергамским посольством, в котором участвовали Аттал II и Кратет Маллосский, но первоначальным названием этого писчего материала было слово *membrana*, слово же *pergamena* появляется в литературе не ранее II в. н. э. (впервые засвидетельствовано у Гая).

8. Помимо этих основных выводов диссертация содержит интерпретации отдельных терминов в спорных контекстах их употребления. В частности, в результате анализа употребления слова *palimpsestum* (παλίμψηστον) в римской литературе (Cic. fam. VII 18, 2 и Catull. 22, 1-8) сделан вывод о том, что это слово обозначало папирус (а не пергамен), с которого смывали первый текст, а также выявлен латинский эквивалент этого слова (*charta deleticia*). Кроме того, в работе выявлены различия в значении терминов *tabella* «страница» и *pagina* «колонка текста»; *frons* «верхняя поверхность закрытого свитка» – *frontes* «боковые срезы»; *index* «ярлык» – *titulus* «заглавие, надпись» и др. применительно к ряду конкретных контекстов их употребления.

9. На основании сформулированных в диссертации критериев для интерпретации значений терминов *liber*, *uolumen* и *charta* в работе предложено объяснение спорных мест в произведениях римской литературы, толкование которых связано с проблемами книжного дела (Plin. ep. III 5, 17; Plin. ep. III 5, 5; Suet. Iul. 56 и др.).

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ
В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ АВТОРА:**

Монография

1. *Антонец Е. В.* Введение в римскую палеографию. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, **2009**. 400 с. 20 п.л.

**Научные статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ
(редакция апрель 2008 г.)**

2. *Антонец Е. В.* Жанровые характеристики од Горация в петербургской рукописи Cl. lat. O. v. 4 (Российская национальная библиотека) // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. **1997**. № 1. С. 98-107. 0,4 п.л.

3. *Антонец Е. В.* Место инскрипций в античной традиции комментирования Горация // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., **1998**. С. 9-11. 0,1 п.л.

4. *Антонец Е. В., Надель Н. Н.* Петербургская рукопись Тибулла Cl. lat. Q. ch. 12 (РНБ) (к вопросу о ее месте в рукописной традиции) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – III. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., **1999**. С. 5-7. 0,1 п.л.

5. *Антонец Е. В.* Петербургская рукопись Горация Cl. lat. O. v. 4 (РНБ) и проблемы ее изучения // Вестник древней истории. **2000**. № 1. С. 135-144. 0,4 п.л.

6. *Антонец Е. В.* О значении слова *uolumen* (по поводу Ulp. dig. XXXII 52 – XXXII 52, 1) // Индоевропейское языкознание и классическая филология

— V. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., **2001**. С. 9-13. 0,2 п.л.

7. *Антонец Е. В.* О соотношении слов *liber* и *uolumen* в латинском языке классического периода // Индоевропейское языкознание и классическая филология — VI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., **2002**. С. 3-5. 0,1 п.л.

8. *Антонец Е. В.* Мариан де Магистрис (1441-1503) и маргиналии рукописи Cl. lat. Q. ch. 12 (РНБ) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 28. СПб., **2002**. С. 220-234. 0,6 п.л.

9. *Антонец Е. В.* Фрагменты рукописей римских авторов в «Коллекции документов Густава Шмидта» (Научная библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова) // Индоевропейское языкознание и классическая филология — VII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., **2003**. С. 3-6. 0,1 п.л.

10. *Антонец Е. В.* Средневековые стихотворные грамматики латинского языка и их фрагменты в Научной библиотеке МГУ // Индоевропейское языкознание и классическая филология — IX. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., **2005**. С. 17-20. 0,1 п.л.

11. *Антонец Е. В.* Рукописи римских классических авторов в Российской национальной библиотеке // Вестник древней истории. **2005**. № 3. С. 168-221. 2,2 п.л.

12. *Антонец Е. В.* К вопросу о значении слова *charta* в латинском языке классического периода // Индоевропейское языкознание и классическая филология — X. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., **2006**. С. 3-8. 0,2 п.л.

13. *Антонец Е. В., Солопов А. И.* *Principatus medio* (Plin. n. h. XIII 74). К проблеме интерпретации описания производства папируса у Плиния Старшего // Вестник древней истории. **2007**. № 1. С. 9-19. 0,4 п.л.

14. *Антонец Е. В.* Палимпсест в античности: к интерпретации Catull. 22, 1-8 // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., **2008**. С. 6-10. 0,2 п.л.

15. *Антонец Е. В.* Фрагменты латинских литературных текстов в «Коллекции документов Густава Шмидта» (Научная библиотека МГУ) // Colloquia classica et indogermanica – IV. Классическая филология и индоевропейское языкознание. Под ред. Н. Н. Казанского. СПб., **2008**. (Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. IV. Ч. 1) С. 366-414. 2 п.л.

16. *Антонец Е. В.* Деревянные диптихи типа грамот Виндоланды и их отражение в римской литературе // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., **2009**. С. 13-20. 0,3 п.л.

Статьи, опубликованные в сборниках научных трудов и периодических изданиях

17. *Антонец Е. В.* К вопросу о времени возникновения форм *threnetice*, *palinodia[ti]ce* и *l(a)erchetice* в инскрипциях к одам Горация // Классические языки и индоевропейское языкознание. Сборник статей по материалам чтений, посвященных 100-летию со дня рождения профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., **1998**. С. 241-246. 0,2 п.л.

18. *Антонец Е. В.* Tibullus III 2, 5. К вопросу о рукописной традиции Тибулла // Древние языки в системе университетского образования: их исследование и преподавание. М., **2000**. С. 25-26. 0,1 п.л.

19. *Антонец Е. В., Надель Н. Н.* Место Петербургской рукописи Тибулла Cl. lat. Q. ch. 12 (РНБ) в рукописной традиции // Colloquia classica et Indo-Europeica – II. Классическая филология и индоевропейское языкознание. Под ред. Н. Н. Казанского. СПб., **2000**. С. 195-207. 0,5 п.л.

20. *Антонец Е. В.* Жанровые характеристики в рукописных инскрипциях лирических произведений Горация (состояние вопроса и проблемы исследования) // Вопросы классической филологии. Вып. 12. М., **2002**. С. 405–424. 0,8 п.л.

21. *Антонец Е. В.* О значении слова *uolumen* в Ulp. dig. XXXII 52 – XXXII 52, 1 // Colloquia classica et Indogermanica – III. Классическая филология и индоевропейское языкознание. Под ред. Н. Н. Казанского. СПб., **2002**. С. 227-234. 0,3 п.л.

22. *Антонец Е. В.* Фрагменты римских грамматиков в Научной библиотеке МГУ // Античная грамматическая традиция в веках. Материалы международной конференции. Апрель 20-23, 2005. СПб., **2005**. С. 5-10. 0,2 п.л.

23. *Antonets E. V.* Manuscripts of Priscian in libraries of Saint-Petersburg and Moscow // Colloque international Priscien. Lyon, 10-14 octobre 2006. Résumés. Ecole normale supérieure, Lettres et sciences humaines. **2006**. P. 9-13. 0,2 п.л.

24. *Антонец Е. В.* К вопросу о синтаксисе латинских количественных числительных больше тысячи // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., **2007**. С. 6-10. 0,2 п.л.

25. *Антонец Е. В.* Фрагменты «Грецизма» Эбергарда Бетюнского в Научной библиотеке МГУ // Монфокоп. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатики. № 1. М.-СПб., **2007**. С. 373-393. 0,8 п.л.

26. *Антонец Е. В., Сквайрс Е. Р., Ганина Н. А.* «Коллекция документов Густава Шмидта» (Фонд № 40). Каталог // Сквайрс Е. Р., Ганина Н. А. Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета. М., **2008**. С. 27-128. 4 п.л.

27. *Антонец Е. В.* Фрагмент рукописи Присциана в «Коллекции документов Густава Шмидта» // Сквайрс Е. Р., Ганина Н. А. Немецкие

средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета. М., **2008**. С. 182-191. 0,4 п.л.

28. *Антонец Е. В.* Фрагмент Дигест Юстиниана в «Коллекции документов Густава Шмидта» // Сквайрс Е. Р., Ганина Н. А. Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета. М., **2008**. С. 243-246. 0,1 п.л.

29. *Антонец Е. В.* Фрагмент латинского перевода «Метеорологии» Аристотеля, выполненного Вильемом из Мёрбеке, в «Коллекции документов Густава Шмидта» // Сквайрс Е. Р., Ганина Н. А. Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета. М., **2008**. С. 275-281. 0,3 п.л.

30. *Антонец Е. В.* Фрагмент «Доктринале» Александра из Вильдьё в «Коллекции документов Густава Шмидта» // Сквайрс Е. Р., Ганина Н. А. Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета. М., **2008**. С. 312-314. 0,1 п.л.

31. *Антонец Е. В.* Фрагменты рукописей Горация в «Коллекции документов Густава Шмидта» // Сквайрс Е. Р., Ганина Н. А. Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета. М., **2008**. С. 315-318. 0,1 п.л.

32. *Антонец Е. В.* Античные авторы о появлении пергамента в греко-римском мире // Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона. Материалы международной научной конференции (Москва, 14-16 мая 2008 г.). М., **2008**. С. 7-14. 0,3 п.л.